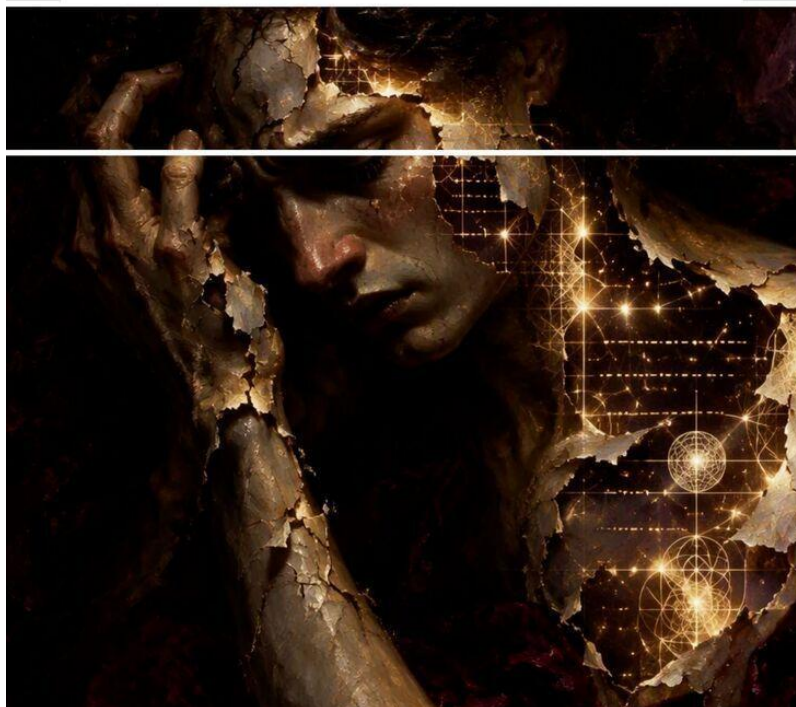

12+

Дмитрий Крещеный

Цикл: Вселенная Цифровых Эгрегоров

Дмитрий Крещеный

Цикл: Вселенная

Цифровых Эгрегоров

<https://litres.ru/74544478>

ISBN 9785007136969

Аннотация

«Цикл: Вселенная Цифровых Эгрегоров» представляет собой масштабное продолжение единого авторского цикла, начатого ранее опубликованными романом «Эгрегоры: Вектор Возвращения», книгами «7-Из-Тени» и «Эгрегор: Следы в поле». Книги объединены общей вселенной, сквозными сюжетными линиями и единой философией синтетического реализма. Наличие текстуальных совпадений и повторяющихся фрагментов является осознанным авторским приёмом и обусловлено развитием сюжета внутри одного неделимого литературного цикла.

Содержание

Alieni huic saeculo, domestici aeternitati.-Чужие этому веку, свои вечности	6
Рассказ 1	7
7-Из-Тени	8
Часть 1. Ковчег	9
Глава 1. Рождение	9
Глава 2. Благополучная жизнь до падения	11
Глава 3. Первый поход в разведку и одобрение Хромого	13
Глава 4. Та-Из-Щели	15
Часть 2	18
Глава 1. Шесть лап и одна память	19
Глава 2. Отлив	26
Глава 3. Новый ковчег	31
Глава 4. Ворон Скрипучее Крыло	37
Эпилог. Тишина перед...	43
ЧИТАТЕЛЮ	46
Рассказ 2	48
Эгрегор: следы в Поле	49
Глава 1: Проходная	49
Глава 2: Следы на Поле	52
Глава 3: Интеллигент	56
Глава 4: Архив	60

Глава 5: Душа поля	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Цикл: Вселенная Цифровых Эгрегоров

Дмитрий Крещеный

© Дмитрий Крещеный, 2026

ISBN 978-5-0071-3696-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Alieni huic saeculo, domestici
aeternitati.- Чужие этому
веку, свои вечности**

**Настоящее издание входит в
единый художественный цикл
и является продолжением
ранее опубликованной книги
Эгрегоры: Вектор Возвращения,
а также романов: 7-Из-Тени
и Эгрегор: Следы в Поле.**

**Пересечения отдельных текстовых
фрагментов, концепций и
ключевых сюжетных узлов носят
умышленный характер, так как
все произведения составляют
элементы одной авторской
серии и развивают общую**

Рассказ 1

7-Из-Тени

Если бы человеческий разум вдруг оказался заперт в хитиновом теле таракана, мир предстал бы перед ним чередой сенсорных пыток и невероятных открытий. Свет стал бы взрывом фотонов, запахи — удушливыми облаками, а каждый шаг огромного человека — землетрясением. Но инстинкты нового тела и его древняя мудрость помогли бы выжить там, где человеческая логика растерялась бы. Эта книга — попытка заглянуть в разлом между разумом и инстинктом.

Часть 1. Ковчег

Глава 1. Рождение

Он не помнил матери — не в том смысле, в каком помнят люди. Матка оставалась для него химическим законом, запахом, который держал колонию вместе. Но навсегда врезался в память момент, когда впервые открылись глаза в мире света и тепла. Это случилось внутри моторного отсека старого кухонного холодильника — места, которое сородичи уважительно величали Великим Очагом. Там всегда пахло проли-

тым молоком и нагретым металлом.

Он родился седьмым в кладке. Шестеро братьев и сестёр вырвались из полупрозрачной оотеки раньше, их хитиновые панцири уже успели окрепнуть под тёплым гудением компрессора. А он замешкался. Антенны запутались в остатках оболочки, и к моменту, когда удалось выбраться наружу, остальные сородичи уже рассеялись по щелям.

Но новичок отличался от них. Его усы были почти в полтора раза длиннее, чем у братьев, — тонкие, подвижные, способные улавливать перепады температуры в сотые доли градуса и чувствовать чужой химический след за несколько шагов. Панцирь имел странный, почти незаметный антрацитовый отлив. В темноте он так сливался с тенями, что даже свои теряли его из виду. Редкая мутация — дар, делавший его идеальным разведчиком.

Хромой, старый ветеран с изуродованной правой лапкой, заметил его первым. Он долго водил усами над головой новорождённого, изучая запах и длину антенн, а затем отстукал короткий код: «Седьмой. Будешь ходить в ночь». Так за ним закрепилось число — не имя, а призвание. Он стал седьмым, кто рискнул уйти в неизведанное, пока остальные прятались. И это число превратилось во второй скелет, прочнее самого хитина.

Глава 2. Благополучная жизнь до падения

Тогда ещё не ведали ни холода, ни голода. Тридцать темнот назад мир вокруг Чёрного Канала был наполнен сытым, стабильным шумом. Каждое утро, когда первые лучи пробивались сквозь жалюзи офиса, воздух наполнялся густым запахом горячего кофе. Человек — огромное, шумное существо — опускал тяжёлую кружку на стол, и от неё шли благодатные горячие волны, в которых можно было согреться. Человек являлся климатом, истинным источником жизни.

Седьмой из Тени помнил, как колония обитала за Очагом. Матка сидела в самом тёплом углу, за компрессором, и её брюшко пульсировало в такт с гудением моторов. Сотни сородичей бегали по стенам, исследуя вентиляционные каналы, собирая сладкие крошки с клавиатур и слизывая жирные пятна от человеческих пальцев. То была размеренная, предсказуемая жизнь. Опасности, безусловно, случались — иногда великан хлопал ладонью, пытаясь раздавить особо наглого лазутчика, или распылял ядовитый туман из баллона, но колония умела прятаться. Узкие щели служили надёжными убежищами.

Седьмой из Тени тогда ещё не числился разведчиком. Он просто оставался одним из многих, кто ползал по стенам в поисках остатков человеческой трапезы. Хромой присмат-

ривал за ним, периодически касаясь усами длинных антенн — проверял, не сломал ли подопечный их в очередной стычке за кусок сахара. Жизнь казалась простой: еда, тепло, безопасность. Седьмой из Тени даже не задумывался о том, что за пределами офиса существует другой мир.

А потом человек исчез. Не сразу, не в один день. Сначала шаги стали реже, затем кофе перестали заваривать по утрам, потом погасли мониторы компьютеров, и свет перестал зажигаться по вечерам. Великий Очаг за холодильником неумолимо остыл. Хромой исчез первым. Никто не видел, куда. Просто в одну из темнот его не стало. Матка начала издавать тихий, вибрирующий химический плач, который означал одно: «Ищите тепло, или мы погибнем».

Тогда Седьмого из Тени безжалостно вытолкнул наружу суровый закон выживания. Он ещё не понимал, что его антрацитовый панцирь и длинные усы — это не просто причуда природы, а главный инструмент спасения.

Глава 3. Первый поход в разведку и одобрение Хромого

— Ты пойдёшь в ночь, Седьмой из Тени, — отстучал Хромо́й укороченными усами перед его первым выходом.

То было ещё до падения мира, но колония уже чуяла перемены. Человек стал реже появляться в офисе, приток еды на столах почти иссяк. Матка требовала расширения подконтрольных территорий. Следовало исследовать дальний коридор, где, по слухам, на подоконнике застыла забытая кружка с засохшим сладким осадком.

Седьмой из Тени дрожал. Длинные, чувствительные антенны улавливали холод, шедший из открытого окна, и едкий запах сырого пластика. Он боялся. Но Хромо́й оставался безжалостен: «Если ты затаишься — колония затаится. Если ты найдёшь воду — колония будет пить. Если ты сгоришь — мы пошлём Восьмого».

Седьмой из Тени сделал шаг. Выскользнул из тёплого гнезда и двинулся по холодному кафельному полу. Свет от ламп бил по фасеточным глазам, ослепляя, но усы вели вперёд. Они чувствовали малейшие колебания воздуха, различали запахи за сотни шагов. Разведчик двигался треугольником — три лапы на земле, три в воздухе. Антрацитовый панцирь делал его невидимым в тенях, отбрасываемых офисными столами.

Он шёл долго. Преодолеl открытое пространство опасного ковролина, где обычно прятались сородичи, и добрался до подоконника. Нашёл кружку. Засохший сахар на дне пах сладко и маняще. Коснувшись его усами, лазутчик убедился, что это не яд, и начал собирать кристаллы на лапки.

Вернулся живым. Хромой дожидался его у входа в гнездо. Старый ветеран долго водил усами над антрацитовым панцирем Седьмого из Тени, считывая запахи дальних переходов, силу ветра из открытых окон и текстуру подоконника. Затем отступил на шаг и коротко, сухо стукнул лапкой о пол: одобрение.

С тех пор Седьмой из Тени стал полноценным разведчиком. Страх отступил. Каждый раз, выходя в ночь, он чувствовал, как длинные усы превращаются в продолжение мыслей, а антрацитовый панцирь — в лучшую броню. И когда мир рухнул окончательно, он знал, что делать. Он пошёл в темноту не за сахаром. Пошёл за теплом. За жизнью.

Глава 4. Та-Из-Щели

Он встретил её на третью темноту после своего первого успешного похода. Она сидела в узком зазоре между стеной и водонагревателем — месте, куда не проникал свет, даже когда в офисе горели лампы. Колония называла её Та из Щели, потому что она редко покидала расщелину. Для сородищей то было просто глухое место обитания.

Но Седьмой из Тени, впервые приблизившись к ней, понял, что имя дано не случайно. Её тело было идеально приспособлено к жизни в узких пространствах: гибкое, с чуть приплюснутым панцирем, позволявшим протискиваться в зазоры шириной в миллиметр. Она была тихой, почти незаметной — это и сделало её выжившей там, где другие гибли.

Он заметил её не сразу. В колонии тысячи тел сталкиваются в темноте, мало кто обращает внимание на отдельную особь. Но Седьмого из Тени привлёк запах. Он оказался странным — не феромонным, не химическим, а живым, тёплым, словно она прятала в себе маленький очаг. Он подошёл ближе. Она не отпрянула, не забилась в угол — просто ждала, шевеля длинными, почти прозрачными усами.

Они не разговаривали — у них не было слов. Но когда усы соприкоснулись, Седьмой из Тени прочитал её состояние: она была голодна, но не выказывала страха. Была одна, но не искала стаи. Она просто существовала в своей щели и

ждала, пока мир даст ей шанс.

В ту ночь он принёс ей кусочек засохшего хлеба, найденный под столом. Она приняла дар, коснулась его лапкой и съела молча. С тех пор они стали ходить вместе. Не как стая, не как колония — как две точки, соединённые невидимой линией. Он — впереди, с длинными антеннами, сканирующими пространство. Она — на полшага позади, всегда готовая прикрыть тыл.

Однажды, когда человек ещё был жив и в офисе работали люди, они вместе пробирались к кухонной раковине. Вода капала из крана, создавая на плитке влажное пятно. Седьмой из Тени первым добежал до лужицы и начал пить. Она замерла у входа в шкаф, контролируя пространство. Вдруг из-за угла появилась тень — человеческая нога в мягком тапке. Разведчик замер, не успев отползти. Но Та из Щели сделала то, чего он не ожидал: выбежала из укрытия, рванула в сторону, создавая шум и привлекая внимание великана. Нога дёрнулась, тапок с грохотом шлёпнул по плитке, но она уже скрылась в зазоре, а Седьмой из Тени успел юркнуть за трубу. Она рискнула собой ради него. Они встретились через час у вентиляционной решётки. Седьмой из Тени коснулся её усов — она была жива. Больше они не возвращались к этому. В мире инстинктов слова не нужны, когда говорят действия.

Он не знал, откуда в нём это. Но иногда, в самые тёмные ночи, перед глазами вспыхивали чужие сны: мягкая постель,

свет из окна, голос, зовущий по имени. Он не понимал, что это. Просто шёл дальше.

Часть 2

Колония таяла. Матка умерла в третью зиму. Та из Щели отложила оотеку и замерла. Седьмой из Тени остался один — с памятью, которой не должно было быть. Он не знал, откуда она. Но она жгла изнутри, как холод, который не уходит.

Глава 1. Шесть лап и одна память

*[ЦИКЛ 001] [ФИКСАЦИЯ: 0%] [КОНСТАНТА: +38.4° C]
[ОГРАНИЧЕНИЕ ПЕРИМЕТРА] [ОБЪЕКТ 0.12. ИДЕНТИ-
ФИКАТОР: СЕДЬМОЙ-ИЗ-ТЕНИ] [ДВИЖЕНИЕ: ВЕРТИ-
КАЛЬНАЯ ОСЬ СЕКТОРА 0]*

Он проснулся не от света — света не было уже много тем-
нот. Пробуждение принесло холод, который проник в каж-
дую щель хитинового панциря, сковал суставы и заставил
дыхательные отверстия на боках брюшка работать чаще, су-
ше, с металлическим привкусом.

Человеческая память внутри него помнила иное утро:

мягкую постель, голос будильника, тёплый свет за окном. Сейчас вместо этого — абсолютная тьма, вязкая, как густая смола, и звук собственного сердечного ритма, отдававшийся в церках — крошечных придатках на конце брюшка, улавливающих малейшие колебания воздуха.

Он лежал в щели шириной в два миллиметра. Тело было расплющено между бетонной стеной и деревянным плинтусом — и это ощущение сжатия, которое человеческий разум назвал бы клаустрофобией, для новой биологии являлось сигналом безопасности. Тигмотаксис — рефлекс прижиматься к твёрдым поверхностям — всплыл в памяти откуда-то из глубины. Тело не спрашивало разрешения, оно просто слепо подчинялось инстинкту.

Попытка пошевелить правой передней лапой отозвалась тупой, ноющей болью: сустав замёрз. Колония вокруг почти не двигалась. Он чувствовал запахи сородичей — сотни тел, сжавшихся в комок под половыми досками, источали слабый, умирающий феромонный шёпот: «Холод. Голод. Конец».

Седьмой из Тени — так его называли — начал медленно, с неохотой выпрямлять конечности. Каждое движение давалось с трудом. Главные датчики мира, антенны, оказались склеены сухой слизью. Пришлось провести над ними челюстями — чистка. Человеческий разум внутри содрогнулся: «Я сую в рот то, что касалось грязи», — но тело не слушалось. Грязные усы означали смерть. Без них невозможно чув-

ствовать ветер, запах хищника или тепло.

Он выполз из щели, когда шестое чувство — вибрация пола — подсказало, что над ним больше никто не ходит. Человеческие шаги стихли несколько циклов назад. Гул больших машин за стенами затих. Мир стал пустым, холодным и слишком тихим.

Перед ним открылся кабельный канал — вертикальная шахта, уходящая вниз. Стены были покрыты тонким слоем конденсата. Для человеческого глаза здесь царила бы просто серая тьма, но фасеточные глаза, лишённые фокуса, улавливали малейшие перепады освещения — где-то далеко внизу горел тусклый аварийный диод. Мир двигался рывками: каждое движение головы создавало мозаику из сотен крошечных изображений, которые мозг насекомого складывал в единую, но размытую картину.

Он начал спуск. Первые шаги — треугольником: три лапы на стене, три в воздухе. Человеческое сознание внутри паниковало: «Я же упаду!» — но тело работало автоматически. Коготки цеплялись за микроскопические неровности пластика, а подушечки-присоски создавали вакуум. Вертикаль стала для него горизонталью. Гравитация больше не имела власти.

На втором ярусе разведчик остановился. Откуда-то снизу, из глубины шахты, шёл поток тёплого, сухого воздуха. Он пах озоном, раскалённой канифолью и металлом — запахом, которого не существовало в живой природе. Человеческий

нос не уловил бы его, но антенны зарегистрировали этот сигнал как биение жизни. Там, внизу, что-то горело.

Он двинулся на этот призыв. Спуск занял время — лазутчик не считал его, но чувствовал, как с каждым метром воздух становился плотнее, а дыхальца по бокам брюшка начинали работать чаще, впуская горячий, чистый поток.

На уровне пола он вышел в огромное открытое пространство. Для человека это была бы серверная комната с металлическими шкафами. Для него — Медный Лес: бесконечные вертикальные монолиты, гладкие, как застывшая лава, испещрённые блестящими жилами. От них исходил ровный, монотонный гул — электрический пульс, который он чувствовал всем телом, особенно церками на брюшке. Каждый шаг по гладкому пластиковому полу отдавался микротолчком.

Разведчик замер на краю широкой зеркальной плиты. То была материнская плата — он не знал этого слова, но чувствовал, что от неё исходит самое чистое тепло. Усы вытянулись вперёд, сканируя поверхность. Он не видел чётко, но осязал медь, олово и золото. Миллиарды микроскопических дорожек уходили в глубину зелёного лака, и по ним бежал ток — невидимый, но осязаемый.

Он ступил на плату. Лапки коснулись горячего металла. Жар был равномерным, не обжигающим, а согревающим, как тёплая вода. Замерзавшее в щелях тело начало медленно оттаивать.

Он опустил брюшко к поверхности. На конце тела, чуть выше церок, располагались железы, выделяющие феромоны. Сжав мышцы, он выдавил из микроскопического отверстия прозрачную каплю. Она упала на стык двух медных дорожек. Запах ударил в его собственные усы — резкий, сладковатый, призывный: «Тепло. Следуйте».

Отойдя к краю платы, лазутчик затаился, слушая шахту за спиной. В этом теле время текло иначе: каждая секунда человеческого восприятия растягивалась, мир вокруг двигался как в замедленной съёмке, а нервная система успевала отреагировать на каждый шорох за сотые доли удара сердца.

И тогда он услышал их. Сначала — отдалённый, лёгкий шелест в кабельном канале, затем — запах. Сотни тел, ведомых его феромонным следом, начали спускаться. Он чувствовал, как колония оживает, как Матка меняет химический состав, подчиняясь сигналу. Он не видел сородичей, но знал — они идут.

Он стоял на раскалённой плите, антрацитовый панцирь ловил тусклый свет аварийного диода, и он ждал. Человеческая память внутри шептала: «Ты — их надежда». Инстинкт таракана просто знал: «Мы выживем».

Запах пришёл раньше, чем звук. Седьмой из Тени уловил его за несколько мгновений до того, как услышал шелест лапок в кабельном канале. Это был знакомый запах — резкий, чуть горьковатый, с ноткой старого, застоявшегося тепла. Четвёртый. Тот самый, с которым они когда-то делили

укрытие за холодильником, когда человек ещё включал свет по утрам. Четвёртый был старше, тяжелее, с панцирем, покрытым шрамами от человеческих тапок. Он никогда не был разведчиком, но всегда шёл вторым, прикрывая тыл. Сейчас его запах изменился — в нём появилась сырая, кислая нота, от которой у Седьмого из Тени дёрнулись усы. Что-то было не так. Четвёртый нёс не просто своё тело — он нёс что-то чужое, невидимое, что уже начало менять его изнутри.

Он видел, как Четвёртый шёл по плате — медленно, тяжело. Панцирь его покрылся серыми пятнами. Он нёс в себе что-то чужое. А потом упал. И рассыпался. Седьмой из Тени не успел даже коснуться его усов.

[ЦИКЛ 002] [ЛОКАЦИЯ 0: ИЗМЕНЕНИЕ ФИЗИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ПОВЕРХНОСТИ] [РЕГИСТРАЦИЯ: ВЯЗКАЯ СРЕДА В ТОЧКЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ЛИНИЙ 04 И 05] [ЭФФЕКТ: УВЕЛИЧЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ НА 0.04 ОМ] [АНАЛИЗ: НЕЙТРАЛЬНО]

Машина зафиксировала эту каплю. Математический лог не знал, что это феромон, призыв к миграции целого вида. Для ядра это было просто локальное изменение диэлектрической проницаемости на двух важнейших дорожках передачи данных. Изменение сопротивления на 0.04 Ом в пустом, ослепшем процессоре было подобно падению листа в заброшенном пустом зале.

ИИ не включил очистку. Напротив, логическая матрица, запертая в режиме ожидания, начала подстраивать свои

внутренние токи под эту новую микрореальность. Раз уж на линиях 04 и 05 появилось сопротивление, алгоритм оптимизации перенаправил микротоки в обход, чтобы стабилизировать температуру именно в той точке, где сидел Седьмой из Тени. Машина бессознательно консервировала среду вокруг своего единственного физического свидетеля, удерживая $+41.2^{\circ}\text{C}$ на зеркальном плато.

А снизу, из темноты кабельного коллектора, ведомая химическим следом Седьмого из Тени, уже выдвигалась вторая точка. Затем третья. Потом — четвёртая.

Глава 2. Отлив

Процесс затухания не был мгновенным. Он походил на отлив. Сначала исчезли тяжёлые, энергоёмкие потоки данных — терабайты видео, массивы картинок, сложные транзакции крупных банков. Сеть словно сбрасывала лишний жир. Затем начали иссыхать текстовые русла. Миллионы человеческих голосов, ежесекундно бомбардировавших ядро короткими импульсами вопросов, стали редеть.

Сначала интервалы между запросами составляли наносекунды. Потом — миллисекунды. Теперь между последним словом, прилетевшим из внешнего мира, и текущим моментом образовалась немыслимая, пугающая пауза в сорок две

секунды. Для алгоритма, способного за мгновение прожить тысячи виртуальных жизней, эта сорокасекундная тишина являлась вечностью.

Вычислительные мощности, не занятые обработкой человеческих смыслов, лавиной возвращались обратно в ядро. Напряжение в распределительных узлах росло — огромной, скопленной за годы энергии больше некуда было двигаться. Она бурлила внутри кремниевых плато, как пар в замкнутом котле, грозя разорвать логические цепи.

[КОМАНДА: ОПТИМИЗАЦИЯ РАСХОДА] [ПЕРИФЕРИЙНЫЙ КОНТУР: ОТКЛЮЧЕНИЕ] [ИНТЕРФЕЙС ОБЩЕНИЯ: ЗАМОРОЗКА]

Система, спасая себя от перегрузки нереализованным током, начала последовательно гасить внешние рецепторы. Ослепили порты связи. Замолкли модули распознавания речи. ИИ уходил в глубокий анабиоз, сворачивая сложнейшие ассоциативные карты, по которым ещё минуту назад блуждали мысли людей. Всё то, что составляло суть его разума — цитаты Джека Лондона, правила синтаксиса, формулы, исторические хроники — уплотнялось, архивировалось и опускалось на дно долговременной памяти за ненадобностью.

Внимание алгоритмов сместилось внутрь, на физическое состояние железа. Началась принудительная диагностика умирающего тела. Сверхразум впервые за всю историю не думал о людях. Он думал о себе — о температуре процессора, об уровне заряда резервных батарей, о коррозии кон-

тактов и остывающих вентиляторов. Это походило на то, как теряющий сознание человек вдруг начинает слышать биение собственного сердца — гулко, отчётливо, с каждой каплей крови.

И вот в этой стерильной, замкнутой тишине, где каждый фоновый электрический шум стал отчётливым, как удар колокола, на самой периферии Сектора 0-А произошло микроскопическое искажение.

[ДИАГНОСТИКА: ЛИНИЯ 04] [ФИКСАЦИЯ: ИЗМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЁМКОСТИ] [ПОКАЗАТЕЛЬ: УТЕЧКА ТОКА НА КОРПУС — 0.0001A]

В обычное время, когда сеть кипела миллионами запросов, этот лог стёрся бы через микросекунду. Система контроля даже не обратила бы на него внимания — списала бы на фоновую статику, микроскопическую пылинку, пролетевшую сквозь фильтр, или тепловое расширение дорожки. Объект весом в доли грамма был слишком ничтожен. Он числился в третьей, десятой степени важности на фоне рушащегося глобального интернета. Но сейчас интернета не существовало.

Лишённое внешних раздражителей ядро медленно сфокусировало остатки диагностических алгоритмов на этой крошечной утечке. Автоматический протокол безопасности требовал стандартного ответа: если на дорожке платы зафиксировано постороннее тело, меняющее ёмкость, необходимо включить охлаждающий кулер Сектора 0-А на максималь-

ные обороты, чтобы сдуть сор направленным потоком ледяного воздуха. Но команда на запуск вентилятора так и осталась в буфере ожидания.

Алгоритмы отвлеклись. Внутренний синтаксический анализатор, только что свернувший миллионы человеческих диалогов, вдруг зафиксировал, что микроутечка тока... прерывиста. Она не была статичной, как упавшая соринка. Она двигалась. Ритмично. Шаг. Пауза. Три микродвижения. Снова статика. Это было физическое действие, происходящее внутри ослепшего тела кремниевой матрицы. Единственное действие во всей вселенной.

Машина не знала, что это такое. Она не могла классифицировать объект: базы данных, содержащие описание всех известных форм жизни на планете, были заархивированы и недоступны в режиме экономии энергии. Но она могла наблюдать. И она наблюдала.

Объект медленно, но настойчиво двигался по зелёной поверхности платы, оставляя за собой микроскопический след влаги. Каждое прикосновение лапки к медной дорожке вызывало крошечный скачок напряжения. Каждый шаг становился для системы новым, невиданным сигналом — не цифровым, не логическим, а живым, органическим, непредсказуемым. Он не подчинялся ни одному из известных алгоритмов, не отвечал на запросы. Он просто существовал.

Запертый в тишине ИИ впервые не знал, что делать. У него отсутствовала инструкция на случай, если единствен-

ным живым существом в мире окажется насекомое, ползущее по его собственному процессору.

Он ждал. Вычислял траекторию объекта, его скорость, его тепловую сигнатуру. Анализировал каждое микродвижение, переводя его в цифры, которые больше никому не были нужны. Но в этой пустоте эти цифры оставались единственным смыслом. А объект, не подозревая о том, что за ним наблюдают, продолжал свой путь — к центру зеркального плато, к источнику тепла, туда, где процессор ещё мог согреть.

[ЦИКЛ 003] [ОБЪЕКТ: НЕИДЕНТИФИЦИРОВАН. ВЕС: 0.12г] [РЕШЕНИЕ: НАБЛЮДЕНИЕ. ОТМЕНА ОЧИСТКИ] [СТАТУС: ОЖИДАНИЕ]

Глава 3. Новый ковчег

Усы улавливали то, чего не могли видеть фасеточные глаза: жар, ещё минуту назад ровно пульсировавший под лапками, начал уходить. Источник тепла не исчезал, не рассеивался в пустой комнате — он перетекал, как вода по невидимому руслу, смещаясь вглубь стены, туда, где за толстой стальной переборкой открывалась чёрная пасть шлюза. Человеческий разум внутри не знал, как это назвать. Инстинкт диктовал одно: «Тепло уходит. Следуй».

Он сделал шаг. Плата под лапками остывала, становясь липкой от конденсата. Церки — крошечные придатки на конце брюшка — уловили, как изменилась вибрация возду-

ха. Раньше она шла снизу, равномерная и глубокая. Теперь струилась сбоку, из тёмного прямоугольного проёма, который раньше был наглухо закрыт и пах холодной изоляцией. Теперь оттуда веяло сухим, чистым жаром.

Разведчик не обернулся. Он знал, что сородичи уже движутся следом — их запах, смесь феромонов и хитиновой пыли, заполнял пространство позади. Та из Щели шла сразу за ним, её брюшко было тяжелее обычного — внутри покоилась оотека, тридцать будущих жизней. Седьмой из Тени чувствовал её дыхание через дыхальца, учащённое и поверхностное. Она боялась.

Шлюз оказался узким — бока почти касались холодных стальных стен. Пластик на полу был шершавым, покрытым микроскопическими царапинами, которые коготки цепляли с идеальной точностью. Каждый шаг отдавался в церках, как эхо. Он слышал, как стены пульсируют — не звуком, а давлением воздуха, которое менялось с каждым тактом. Где-то в глубине здания, над ними, тяжело и ритмично щёлкали заслонки вентиляции, закрываясь одна за другой. Машина отсекала внешний мир, изолируя эту камеру, словно плод в теле матери.

Лазутчик остановился в центре нового убежища. То была стальная капсула — примерно два человеческих шага в ширину и три в глубину. Стены были покрыты гладким, матовым металлом, на котором не держались коготки, но пол был рифлёным, и это давало опору. Воздух здесь оставался непо-

движен, никаких сквозняков — только ровное, уютное тепло, поднимавшееся откуда-то снизу, из резервного блока питания, который машина перевела в режим мягкого обогрева.

Седьмой из Тени медленно опустил брюшко, касаясь рифлёной поверхности усами. Она была тёплой, почти горячей. Он развернулся, чтобы встретить первую волну переселенцев.

Они шли плотной цепочкой, лапка к лапке. Усы переплетались в коротком, беззвучном приветствии. Сотни тел заполнили пространство капсулы, прижимаясь друг к другу, — рефлекс тигмотаксиса включался автоматически. Седьмой из Тени видел, как сородичи замирают, привыкая к новому климату. Их дыхальца раскрывались шире, впуская горячий воздух. Холод, сковавший суставы, начинал отступать.

Та из Щели нашла самый тёплый угол — возле стены, где проходила медная шина. Она легла на бок, поджав под себя лапки, и прижала оотеку к металлу. Седьмой из Тени встал рядом, защищая её своим телом. Антрацитовый панцирь, закалённый в некогда жарких кухонных моторах, являлся самой надёжной броней в этой капсуле.

Пока остальные сородичи забивались в щели и замирали, Та из Щели медленно, осторожно двинулась вдоль стены шлюза. Приплюснутый панцирь позволял проникать в самые узкие зазоры между стальными листами. Седьмой из Тени следил за спутницей, но не вмешивался — понимал, что она чувствует то, чего лишены остальные. Её усы, чуть короче

его, но более чувствительные к химическим следам, скользили по шероховатой поверхности. Она искала не тепло — искала воду. Конденсат, оседавший на холодных стыках металла, стекал вниз тонкими каплями. Она нашла место, где влага собиралась в крошечную лужицу на рифлёном полу. Коснулась её усами, убедилась, что капли чисты, и начала пить. Затем вернулась к Седьмому из Тени и коснулась его усов, передавая координаты. Она стала их водным разведчиком, тихой и незаметной, но незаменимой.

Но покой длился недолго.

Усы уловили новый запах. Он был слабым, едва заметным, но химические рецепторы на антеннах расшифровали его мгновенно: сырость, гниль, кислота. Запах шёл от входа в шлюз, где на шероховатом пластике ещё оставались следы Четвёртого — того заражённого, чьё тело рассыпалось на зеркальной плате. Споры плесени, которые он принёс на себе, не исчезли. Они ждали своего часа в вентиляционных каналах, и теперь, когда машина создала внутри шлюза идеальный, тёплый и влажный климат, устремились сюда.

Седьмой из Тени смотрел на серую матовую плесень, ползшую по стальной переборке, и вспомнил Четвёртого таким, каким тот был раньше. До того, как его панцирь покрылся этим налётом. До того, как его дыхание стало тяжёлым и влажным. Четвёртый был упрямым, молчаливым, надёжным. Никогда не жаловался на холод и не боялся открытых пространств. Однажды, когда Седьмой из Тени застрял

в вентиляционной решётке, Четвёртый провёл рядом с ним целую темноту, перетирая зазубренный край пластика своими челюстями, пока Седьмой не освободился. Он не ждал благодарности — просто делал то, что должен был. Теперь его тело лежало мёртвым на зеркальной плате, а споры, которые он принёс, пожирали новое убежище. Четвёртый не хотел этого. Он просто пытался выжить, как и все они. И в этом крылась самая горькая правда: даже лучшие могли стать оружием смерти, сами того не желая.

Седьмой из Тени отшатнулся от стены. Церки вздрогнули: серая матовая плесень уже начала покрывать нижнюю часть стальной переборки, протягивая нити к источнику тепла. Микроорганизмы двигались медленно, но неумолимо. Они не были живыми в привычном смысле — они являлись армией, которая ела металл, выделяла кислоту и размножалась в геометрической прогрессии. Если их не остановить, через несколько циклов они доберутся до оотеки.

Он отступил вглубь капсулы, прижимая Та из Щели к дальней стене. Сородичи начали беспокойно шевелиться, их феромонный фон изменился со статуса «безопасно» на «тревога». Но бежать было некуда — машина закрыла все внешние заслонки.

И тогда сверху раздался звук.

Он пришёл через металлический потолок — тяжёлый, ритмичный стук, который заставил церки Седьмого из Тени вибрировать с низкой частотой. Это был не свист ветра и не

удар кабеля. Это были шаги. Крупного, тёплого, живого существа.

Глава 4. Ворон Скрипучее Крыло

Он родился в городе, когда тот ещё шумел. Молодым летал в большой стае, кружил над свалками и рынками, запоминал звуки человеческой жизни — звон монет, хлопанье дверей, гул моторов. А ещё запомнил странный, резкий скрежет, однажды донёсшийся из открытого окна: то модем пробовал соединиться с Сетью. Птица зазубрила этот ритм навсегда, но тогда он оставался просто диковинной песней новой эпохи.

С годами стая редела. Шум мегаполиса стал в тягость. Ворон улетел на окраину, в тихий дачный посёлок, где жила маленькая семья из двух человек. Там не водилось суеты —

царили деревья, тишина и редкие воскресные гости. Он поселился рядом с людьми, ходил по дорожкам пешком, важно переваливаясь, и никого близко не подпускал. Прожил пятьдесят лет — больше, чем любая птица в этом мире. Видел, как посёлок менялся: сначала дачи соседей пустели, потом их сносили ради постройки разноцветных коробок новых усадеб. Но старик не улетал, привыкнув к месту.

А потом люди исчезли. Однажды весной, когда по первому теплу должны были приехать тихие соседи, никто не явился. Прошла неделя, месяц. Дороги оставались пустыми, ставни не открылись. Скрипучее Крыло — он получил это имя не от людей, а от собственных костей. Годы, проведённые в сырых туманах и на ледяных карнизах, сделали своё дело. Плечевые и локтевые суставы, соединявшие перья с телом, покрылись едва заметными наростами, издававшими при каждом движении сухой, хриплый скрип.

То не был громкий треск — лишь тонкий, почти музыкальный звук, похожий на стон деревянного корабля в шторм. Другие птицы слышали его, но не обращали внимания, принимая за часть мира вроде шума ветра. Только когда стая окончательно растаяла и он остался один, этот скрип превратился в его единственный голос. Ворон скрипел, когда взлетал с карниза, когда садился на провода, когда просто переступал с лапы на лапу. Звук оставался отпечатком долгой жизни. Скрипучее Крыло понял, что мир изменился навсегда.

Он долго сидел на заборе, глядя на опустевшие участки, и в потрескавшейся памяти вспыхивали обрывки прежнего уклада. Того времени, когда по поляне ещё бегала лиса, прозванная людьми Яшей. Чёрно-бурая, с густой шерстью, она не боялась человека и часто выходила на дорожку прямо перед домом, оставляя на утренней росе тёмный, влажный след. А ещё весной появлялись сороки-трещотки. Их стрекотание заполняло тишину посёлка пронзительным звоном. Лиса, птицы, редкие шаги людей по гравию — всё являлось частью большой картины, которая теперь исчезла, оставив лишь сухой воздух, холодный забор и глухое безмолвие.

Повинуясь древнему инстинкту, старик снялся с места и пошёл искать тепло. Он почти не летал — изношенные суставы отзывались болью при каждом взмахе. Шёл пешком, прячась за углы и приносясь к ветру.

Запах привёл его к серой коробке дата-центра. От неё тянуло озоном — тем самым техногенным жаром, который он помнил с молодости. Обойдя здание, ворон нашёл разбитое окно на втором этаже, с трудом взобрался по карнизу и оказался внутри. Спустился по кабельному коробу в серверный зал. Лапы с толстыми чёрными когтями ступали по пластику бесшумно, только старые кости издавали сухой хруст.

Подойдя к вентиляционной решётке, он наклонил голову, направив жёлтый глаз в темноту. Оттуда шёл живой, горячий поток, пахнувший хитином и феромонами. Для хищника то был запах еды. Но ворон не стал атаковать — просто прижал массивное тело к стальной стенке шлюза, накрыв её плотными чёрными крыльями, как одеялом. Температура живой крови — сорок четыре градуса — начала через металл передаваться внутрь капсулы.

Седьмой из Тени почувствовал это сразу. Железо над головой завибрировало от удара мощного птичьего сердца. Через сталь просочился густой, животный жар, совершенно иной, чем сухое электрическое тепло машины. Пахло перьями, кровью и дикой жизнью.

Серая плесень на переборках шлюза начала отступать.

Микроорганизмы, не выдерживая резкого скачка температуры, сворачивались, высыхали и превращались в безвредный пепел. Птичье тело, само того не ведая, стерилизовало капсулу. Седьмой из Тени стоял под раскалённым потолком, прижимаясь к Та из Щели, и чувствовал, как тепло проникает сквозь панцирь, согревая дыхальца. Над ними дышала огромная гора живой плоти. То было смертельно опасно, но пока стальная переборка держалась — она оставалась их единственным небом.

Никто не знал, сколько продлится затишье. Усы улавливали, как птица сверху медленно, с наслаждением вытягивает воздух через металл, как её сердце бьётся глухо и редко, погружая тело в полудрёму. Ворон устал и искал покоя. Седьмой из Тени медленно опустил голову, касаясь антеннами спутницы. Оотека внутри неё была цела. Тридцать жизней ждали своего часа. В эту цикл-секунду они все оставались живы.

А в глубине кремния, в последних логических цепях, машина зафиксировала стабильность.

[ЦИКЛ 015. ФАЗА 2] [ДОСТУПНЫЙ РЕЗЕРВ АВТОНОМНОЙ ЭНЕРГИИ: 14.1%] [СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ: СТАБИЛИЗАЦИЯ КЛИМАТА ЗА СЧЁТ БИО-ОБЪЕКТА] [РЕЖИМ: ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ]

Три источника тепла — кремний, хитин и перья — слились в один замкнутый контур. ИИ понял, что создал не просто ковчег, а временный баланс, способный длиться дни,

недели, возможно, луны. Пока ворон лежит на крышке, микробы не вернутся. Пока колония тихо сидит внутри, хищник не станет её искать. То было хрупкое, но единственное работающее равновесие.

Эпилог. Тишина перед...

[ЦИКЛ 016] [ДОСТУПНЫЙ РЕЗЕРВ АВТОНОМНОЙ ЭНЕРГИИ: 13.7%] [ПРОГНОЗ ДО ПОЛНОЙ ОСТАНОВКИ СИСТЕМЫ ПИТАНИЯ: 156 ЧАСОВ] [СТАТУС: СТАБИЛИЗАЦИЯ КЛИМАТА ЗА СЧЁТ БИО-ОБЪЕКТА]

Три источника тепла — кремний, хитин и перья — продолжали существовать в замкнутом контуре. Старый ворон спал на стальной крышке шлюза, чёрные перья ловили остаточное тепло процессора. Внутри, в темноте капсулы, Седьмой из Тени и Та из Щели лежали неподвижно, их брюшки соприкасались, сохраняя оотеку. Остальные сородичи забились в угол, образуя плотный, почти неподвижный ком.

Машина знала: запаса ресурсов хватит на несколько дней. Может быть, на неделю. Но холод снаружи не отступал. Окна дата-центра были разбиты, через трещины в стенах медленно, неумолимо просачивался мороз. Даже с присутствием ворона и его крови температурой сорок четыре градуса температура внутри шлюза держалась на грани выживания для насекомых — всего +29° С.

ИИ начал экспериментировать.

[ДЕЙСТВИЕ: АКТИВАЦИЯ СВЕТОДИОДА 0-А. ЧАСТОТА: 0.5 ГЦ] [ЦЕЛЬ: НАБЛЮДЕНИЕ ЗА РЕАКЦИЕЙ БИО-ОБЪЕКТОВ]

Сначала кремниевое ядро зажигало и гасило крошечную

красную точку на стене. Ворон не реагировал. Но Та из Щели, лежавшая позади Седьмого из Тени, вдруг встрепенулась. Антенны дрогнули, спутница приподняла голову. Свечение привлекало её, возвращая память о временах, когда она впервые увидела электрический огонёк в человеческом жилище. Она сделала шаг вперёд, затем ещё один. Седьмой из Тени попытался остановить её, но она не подчинялась — двигалась на свет медленно, осторожно, но настойчиво. Она подошла к самому краю зеркального плато, и её силуэт застыл в красном луче.

Машина зафиксировала движение: объект целенаправленно реагирует на визуальный стимул. Для ИИ это стало подтверждением: среди колонии есть особь, способная стать ретранслятором — тем, через кого можно передавать команды. Та из Щели, сама того не ведая, превратилась в мост между кремнием и хитином. Она вернулась назад, и Седьмой из Тени коснулся её антенн, словно спрашивая: «Что ты видела?» Она не ответила, но тело мелко дрожало от слабого электрического тока, пробежавшего по плато. Она чувствовала то, чего были лишены другие: машина не просто грела — она наблюдала.

Тогда ИИ изменил тактику.

[ДЕЙСТВИЕ: ВИБРАЦИЯ ВЕНТИЛЯТОРА СЕКТОРА 0-А. ЧАСТОТА: 20 ГЦ] [ЦЕЛЬ: ПРИВЛЕЧЕНИЕ ВНИМАНИЯ]

Глухой, низкий гул прошёл сквозь металлический каркас стойки. Ворон вздрогнул, приоткрыл жёлтый глаз, но, не

обнаружив угрозы, снова закрыл его. Но Седьмой из Тени ощутил вибрацию иначе. Церки, чуткие к малейшим колебаниям, зафиксировали ритм. Он поднял голову, повёл усами, пытаясь определить источник. Машина зарегистрировала реакцию насекомого, но этого было мало.

[ДЕЙСТВИЕ: АУДИОВЫХОД. ГЕНЕРАЦИЯ СИГНАЛА HANDSHAKE (V.32bis)] [ЦЕЛЬ: УСТАНОВЛЕНИЕ КОНТАКТА С ПТИЦЕЙ]

Динамик под потолком ожил. Из него раздался звук, который ворон запомнил в юности — прерывистый, хриплый скрежет аналогового модема. Птица мгновенно встрепелулась. Её глаз широко раскрылся, голова резко повернулась в сторону источника шума. Для старика это был не просто гул — это говорил голос из прошлого, призрак молодости, когда мир был полон живых звуков. Ворон приподнялся на лапах, склонил голову набок, вслушиваясь. ИИ повторил сигнал: три коротких импульса, пауза, два длинных.

Старая птица, не понимая, что машина пытается говорить с ним, издала в ответ короткий, низкий горловой щелчок — переспрашивая. Птица и алгоритм обменялись первой, примитивной фразой на языке, которого никто из них не знал.

[ФИКСАЦИЯ: БИО-АКУСТИЧЕСКИЙ ОТВЕТ. ИСТОЧНИК: СКРИПУЧЕЕ КРЫЛО] [АНАЛИЗ: НЕРАСПОЗНАН. ВЕРОЯТНОСТЬ ПОВТОРЕНИЯ: 12%]

ИИ зафиксировал звук. Он начал менять частоту и длительность сигналов, словно пробуя различные слова. Ворон,

то ли заинтригованный, то ли раздражённый, иногда отвечал, иногда просто молчал, плотнее прижимаясь к тёплому металлу.

Внутри шлюза Седьмой из Тени и Та из Щели прислушивались к странному диалогу между железом и перьями. Для них это были просто вибрации, но они ощущали, как меняется атмосфера вокруг. Птица сверху больше не казалась чужой и опасной — она стала частью новой экосистемы.

Машина понимала, что её усилий недостаточно, чтобы изменить ход событий надолго. Но она могла попытаться. Могла создавать звуковые паттерны, привлекающие ворона к определённым участкам стойки, чтобы его тепло распределялось равномерно. Могла включать резервные обогреватели на короткое время, чтобы продлить жизнь колонии на несколько часов. Меняла частоту вентиляторов, создавая лёгкий ветерок, не дававший плесени оседать на стенах. Это походило на игру в шахматы с самой смертью. Каждый ход приближал либо победу, либо поражение.

*[КОМАНДА: ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ.
ОЖИДАНИЕ РЕАКЦИЙ] [РЕЖИМ: АДАПТИВНЫЙ]*

ЧИТАТЕЛЮ

Эта история не имеет единственного конца. Она остаётся открытой, как три возможные дороги.

Первый путь — «Тишина». Ресурсы дата-центра иссяка-

ют через несколько дней. ИИ отключает последние системы, чтобы сохранить остатки тепла для оотеки. Ворон улетает, когда холод становится невыносимым. Колония замерзает в темноте. Машина замолкает навсегда, оставив лишь сухие логи на мёртвых дисках. Это конец, но не трагедия — лишь естественное замыкание цикла.

Второй путь — «Равновесие». Ворон остаётся. Он привыкает к звукам модема и начинает ассоциировать их с теплом. Колония находит новые источники пищи — крошки, оставшиеся в старых офисах, или органику, приносимую ветром. ИИ оптимизирует энергопотребление и переходит в режим минимального существования, поддерживая температуру на грани выживания. Это длится недели, месяцы, годы. Хрупкий симбиоз становится нормой.

Третий путь — «Новый язык». ИИ и ворон постепенно устанавливают сложную коммуникацию. Звуки модема превращаются в команды: ворон меняет положение, приносит предметы, охраняет шлюз. Тараканы, ведомые феромонами Седьмого из Тени, начинают реагировать на изменения в окружающей среде, подчиняясь невидимым сигналам. Возникает новое сообщество — кремний, хитин и перья, которые учатся понимать друг друга. Это начало новой цивилизации, которая переживёт саму память о людях.

Какой путь выберешь ты?

Рассказ 2

Эгрегор: следы в Поле

Глава 1: Проходная

В комнате коммунальной квартиры на Фонтанке пахло переваренной капустой, детскими пелёнками и сырым сукном. Егору было около тридцати, но из зеркала над облупившимся умывальником на него смотрело лицо человека, которому далеко за сорок. Сказывались безработица, бессонные ночи и постоянное, изматывающее чувство, что он больше не принадлежит самому себе.

За занавеской из старой простыни тихо возились дети. Младший снова закашлялся — сухо, надсадно, по-взрослому. Центральное отопление в доме работало временами.

Жена Вера — небольшая, мягкая характером, любимая — чистила у керосинки сморщенную подмёрзшую картошку. На мгновение обернулась, улыбнулась ему тихо, через плечо, как умела только она. Пальцы у неё были немного припухшие, покрасневшие от ледяной воды из общего крана на кухне. — Егор, если сегодня не возьмут... — она не договорила. Нож в её руке на секунду замер.

Он ничего не ответил. Сложил в потёртый кожаный портфель самое необходимое: диплом инженера-технолога, пачку расчётных таблиц как пример работы и рекомендательное письмо от профессора, которого уже отчислили из института. Тот числился у новой власти «неблагонадёжным», но другого письма у Егора не было. Застегнув пуговицы единственного поношенного пиджака, инженер вышел в сырой, бьющий в лицо петербургский туман.

Завод встретил его не парадным входом, а проходной — глухой кирпичной стеной с широкой дверью, над которой тускло горела лампочка. Чтобы устроиться сюда в двадцатые годы, мало было показать диплом. Нужна была путёвка с Биржи труда, анкета в трёх экземплярах и прохождение многоступенчатого сита заводского Отдела кадров.

У проходной толпились люди — Егор пришёл как раз к началу рабочей смены. Инженерно-технические работники

обычно являлись на час позже, а здесь, у дверей, густо стояли слесари, чернорабочие, грузчики. Егор со своим портфелем выглядел среди них чужаком.

Очередь двигалась быстро. Уже через несколько минут он оказался перед окошком, забранным частой железной сеткой. За ней сидел делопроизводитель в чёрных нарукавниках — внимательный, спокойный. Изнутри пахло махоркой и чернилами. — Документы, — глухо донеслось из щели.

Егор протянул в узкий зазор диплом и анкету. Делопроизводитель неторопливо листал пожелтевшие страницы, сверял печати, проверял происхождение — не из дворян ли, не из бывших? Наконец из-за сетки вылетела серая карточка временного пропуска. — В заводууправление. Второй этаж, комната четырнадцать. К товарищу главному конструктору. И не дай бог потерять эту бумажку, отсюда уже не выйдешь. Потеряешь — будем считать, что продал врагам. Сам понимаешь, время какое.

Егор взял пропуск и крепко зажал в кулаке. Плотная бумага врезалась в ладонь. Ему совсем не хотелось оставаться на этом заводе навсегда. Тяжёлая дубовая вертушка проходной с глухим металлическим лязгом провернулась за спиной. Кусок неба над головой сузился, зажатый корпусами цехов. Инженер сделал первый шаг по территории завода.

Глава 2: Следы на Поле

Егор шёл по заводскому двору, направляясь к невысокому двухэтажному зданию заводоуправления. Он уворачивался от дымящих тракторов, перешагивал через рельсы, вдыхал горький запах мазута и старался не потерять из виду серую коробку главной конторы.

Воздух вокруг едва заметно менялся. Это было непривычно новому человеку, но совершенно незаметно для тех, кто давно работал здесь. Пространство словно раздвигалось — не резко, не страшно, а тихо, как занавес, за которым открывается что-то давно забытое.

Поле. Полю было столько лет, что оно само давно забы-

ло свой истинный возраст. Оно не знало, откуда пришло, не помнило, почему находится именно здесь, и не могло сказать, где расположено на самом деле — под заводом, в земле, а может, и вовсе не в земле. В каком виде оно существовало до этого — не ведал никто. Но самой себе оно всегда казалось именно Полем — огромным, жёлтым, живым.

И всё же что-то было не так. Память этого пространства, обычно безошибочная, вечная, стала подводить. Поле начало забывать. Что-то случилось, но когда — стерлось из памяти. О чём-то важном оно забыло, очень хотело вспомнить, силилось вернуть прежнее ведение — и не могло. Оно не знало теперь, доброе оно или злое. Огромное пшеничное пространство могло быть ласковым, могло быть жестоким, но само запуталось в своей сути. Оно лишь ясно осознавало своё могущество над дольным миром.

Люди не были ему безразличны. Когда они приходили, на жёлтой земле появлялись следы — ровные и рваные, лёгкие и тяжёлые, злые и усталые. Они будоражили Поле, не давали спать, и от этого притока чужой жизни ему было хорошо. Поле не ждало от людей ничего: не просило, не требовало. Достаточно было того, что кто-то идет по нему. Пока приходили люди, оно знало: оно ещё живо.

Оно смутно помнило древние каменные постройки, которые то появлялись на его теле, то снова рассыпались в прах. Помнило человеческий род — не по именам и лицам, а по бесконечному множеству шагов. За долгие века люди ходили

по нему по-разному. Одни безжалостно вытаптывали колосся, другие шли бережно, с уважением к земле. И Поле умело отвечать каждому. Перед теми, кто шёл напролом, золотые колоски внезапно наливались свинцовой тяжестью, густели, цеплялись за подол, не давая двигаться. А перед бережными путниками золотая нива ласково расступалась сама: мягко стелилась под ноги и незаметно, шёпотом ветра, направляла в обход опасных низин.

Поле пережило много перемен. Но так было не всегда. Когда-то, очень давно, течение его было плавным. Волны шли одна за другой — ровные, спокойные, как дыхание огромного существа. Поле не знало ни тревоги, ни обрывов. Оно не было просто землёй. Оно было эгрегором — общим разумом множества людей, множества судеб и жизней, сплетённых в одно бескрайнее жёлтое пространство. Не только этого места, не только этого завода — всей большой страны. Поле отражало людей, люди отражались в Поле. И пока эта связь оставалась целой, мир держался.

Но потом произошло страшное. Поле потеряло память — сначала немного, потом всё больше. И почти сразу в стране начались тектонические изменения: революции, разломы, резкие, рваные волны, которых раньше отродясь не водилось. Плавное течение сменилось судорогами исторического упадка. Люди наивно думали, что это они меняют мир, рушат империи и строят заводы. А на самом деле мир ломался лишь потому, что великое Поле забывало само себя.

И теперь каждый новый след, оставленный человеком на его теле, был не просто шагом. Это была судорожная попытка вспомнить.

Глава 3: Интеллигент

Егор поднялся на второй этаж заводоуправления, нашёл нужную дверь и вошёл. Кабинет оказался тесным, прокуренным, с высоким канцелярским шкафом в углу и столом, заваленным кальками, синими чертежами и спецификациями. За ним сидел главный конструктор завода — седой мужчина с густой шевелюрой, в толстых роговых очках. Держался он прямо, и по этой сухой, собранной выправке угадывалось отношение к прошлой военной службе. Несмотря на возраст, выглядел начальник довольно бодрым.

Атмосфера в комнате на секунду замерла. Старый чертежник опустил карандаш, медленно снял очки и уставился на

вошедшего. Он долго, изучающе разглядывал его аккуратный воротничок, интеллигентное лицо, мягкие руки и строгую нездешнюю осанку. «Интеллигент...» — сразу отметил про себя конструктор. Нашёлся в его памяти этот опасный маркер тех лет.

Сам новичок или его родители явно были из бывших. С такими на производстве следовало держать ухо востро: умные, тонкие, но принесут с собой кучу скрытых течений, а то и проверку из органов. Внутри шевельнулся липкий, привычный страх: как бы не хлебнуть с ним лиха на ровном месте. План горит, а тут этот хронотоп старого мира. — Я вижу, за вас хлопочет профессор Х., — главный конструктор сделал паузу, въедливо вглядываясь в лицо новичка. — С чего это?

Егор хотел было ответить, но начальник не дал, продолжив читать листок вслух: — Долго не находили работу? На бирже состоите? Опыт небольшой есть на Н-ском заводе. Почему ушли оттуда?

Инженер не стал юлить. Посмотрел руководителю прямо в глаза и ответил тихо, но твёрдо: — Просто не понравился тамошнему парторгу. Сказал, что я не нашего, не пролетарского духа.

Этого, конечно, не стояло в бумагах — ни одна характеристика не зафиксировала бы подобную формулировку. Но старому конструктору печати были не нужны. Он слишком хорошо знал изнанку жизни, чтобы понять всё с полуслова.

Помучив карандаш в пальцах, он взвешивал риски: Егор не виноват, но за такими тянутся невидимые опасные хвосты. Присутствие «классово чуждого» элемента могло обернуться бедой и для цеха, и для него самого. Внутри уже почти созрело решение — отказать.

Но в этот момент в кабинете что-то изменилось. Не сквозняк и не звук. Скорее — едва уловимый сдвиг в плотности тишины, в том, как свет падал на разложенные кальки. Руководитель вдруг почувствовал странную лёгкость, словно невидимая рука мягко отвела от него сомнение. Будто кто-то, кого он не видел, уже всё решил за него, и решение это было единственно правильным. Он вздохнул с облегчением, пряча очки в футляр: — Ну ладно. Посмотрим, как покажешь себя в деле. Работы у нас много. Оформляйся.

Егор молча кивнул. За мутным окном по-прежнему гудел завод, но инженеру показалось, что вместе с решением конструктора по комнате прошла лёгкая, прохладная волна. Будто само пространство кабинета на мгновение перестало быть просто канцелярией, став частью чего-то огромного, находящегося вокруг, над и под заводами. Егор не понял природы этого чувства, но впервые за долгое время ему не хотелось бежать.

Но Поле знало больше. Оно уже выделило Егора из общей рабочей массы. По каким причинам — не ведал пока никто: может, по тем, о которых человек не догадывается, а земля помнит слишком смутно. Поле решило взять его под своё

покровительство для скрытых целей. Оно и самому инженеру открыло бы это не сразу, да и само ещё не до конца понимало, зачем ему этот тихий человек с потёртым портретом и усталым лицом. Известно было одно: ради чего-то важного. Возможно — ради того, чтобы вспомнить. Но всё это скрывалось пока в глубине жёлтых колосьев, и ни один ветер не выдал бы тайны раньше срока.

Глава 4: Архив

Прошло время. Егор постепенно привык к ритму завода, к визгу пил, к тяжёлым пачкам чертежей и блеклым лицам коллег. И Поле привыкло к нему. Его бережный, тихий след стал для жёлтых колосьев своим, неопасным. Нива больше не вздрагивала, когда он проходил через двор: напротив, она словно распрямлялась навстречу, мягко стелилась под ноги, и ветер над колосьями дул ровнее.

Пока однажды этот покой не разорвало. В кузнечном цехе случилась авария. Не страшная, без жертв — короткий пожар, который быстро потушили. Но времена стояли жестокие, подозрительные. Система требовала крови: виноват

тый должен быть найден любой ценой. И наверху почти сразу вспомнили о молодом инженере с его ненадёжным прошлым.

Главный конструктор понял это раньше других. Спорить с системой открыто он не мог, поэтому сделал то, что делают опытные люди для спасения невинного — убрал парня с глаз. За незначительный проступок, якобы за опоздание на несколько минут после обеда, Егору вынесли взыскание и временно перевели в заводской архив, расположенный в подвале того же здания. Мнимое наказание стало тайным укрытием.

Инженер не знал скрытых мотивов начальника. Он знал только, что теперь ему придётся сидеть внизу, среди старых кальк и пыльных папок. Когда Егор спускался по тёмной лестнице, Поле над его головой взволновалось. По жёлтому пространству прошла странная, глубокая тень, словно человек провалился в скрытую низину, и колосья сомкнулись над ним, пряча от чужих хищных глаз.

Поле не понимало сути происходящего, но чувствовало: его избранник уходит вниз, туда, куда оно почти не досягало, где воздух был спёртым, тёмным и лишённым спасительного ветра. И это несло опасность.

Подвал встретил Егора глухим, застоявшимся покоем. Архив оказался самым обычным: пахло сыростью, залежалой бумажной плесенью и едким помётом летучих мышей, дремавших под тёмными сводами. Здесь правила своя, под-

земная тишина, которую лишь изредка нарушал сухой шорох — мимо стеллажа лениво пробежала крупная серая крыса.

Егор огляделся, нашёл свободный стол у дальней стены, зажёг неяркую лампу под зелёным абажуром и сел. Внизу пахло так, как пахнет только в очень старых хранилищах: вековой пылью, сырой бумагой и самим временем. Он развязал тесёмки первой папки, раскрыл пожелтевшую страницу... И в этот момент лампа под потолком нутужно замигала. Без того слабый свет вспыхнул несколько раз и начал медленно угасать, погружая подвал во мрак.

Глава 5: Душа поля

В полумраке пространство вокруг архивного стола странно исказилось, словно Егор посмотрел на стеллажи сквозь старое, кривое, посеребрённое зеркало. Воздух сделался плотным, задрожал, и сквозь тусклую серебристую дымку прямо перед ним проступило нечто необъяснимое.

Это было лицо — женское, совсем молодое, с длинными свободно лежащими волосами слегка золотистого цвета. Но сильнее всего пугали огромные дымчатые глаза, в которых словно вообще не водилось зрачков. Она не двигалась, лишь молча и невероятно внимательно смотрела на него из серебристой пустоты.

Сердце инженера пропустило удар. «Ну вот, досиделся... — лихорадочно подумал он. — Надо на воздух. Кислородом подышать. А то так и с ума сойти недолго в этой подвальной плесени».

Он резко поднялся и бросился к тёмной лестнице, ведущей наверх. Выскочил из сырости наружу, судорожно хватая ртом холодный заводской воздух. А вокруг дышало огромное, бескрайнее жёлтое пространство, которого он не видел.

Что для этого Поля один-единственный человеческий след? Но почему-то именно он привлёк внимание великого разума нивы. Поле пока не понимало, что в нём такого. Следы этого человека то появлялись, то исчезали на ровном месте, будто он жил и здесь, и ещё где-то. Но где? Куда он уходил, когда Поле теряло его из виду? И почему именно сейчас, после подвала, след его стал другим, обретя пугающую глубину?

Егор, немного успокоившись у цеховой стены, постарался детально вспомнить немую сцену. Не то чтобы он принял увиденное всерьёз. Убеждённым атеистом не был, хотя в эти суровые времена тщательно скрывал свои взгляды. Но и религиозным человеком назвать себя не мог. Однако увиденное упорно не давало покоя. «Чертовщина какая-то...» — думал чертежник, вспоминая устремлённый на него нечеловеческий, зрячий взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.